

A cinematic movie poster for Blade Runner 2049. The background is a detailed, futuristic cityscape of Los Angeles in the year 2049, with towering skyscrapers, flying cars, and a hazy, orange-tinted sky. In the foreground, a close-up profile of K, played by Ryan Reynolds, is shown. He has a human-like face with a slight stubble and is wearing a complex, dark, and metallic cybernetic mask that covers the lower half of his face. His hair is dark and slightly messy. In the bottom left corner, a small, orange, glowing robot head (a replicant) is visible, looking towards the right. The title of the movie is written in large, white, sans-serif capital letters across the upper half of the image. Above the title, the name of the director is written in a smaller font. In the bottom right corner, there is a circular rating icon.

Яков Корчевский

Человек того, что между вопросом и ответом

18+

Яков Корчевский

**Человек того, что между
вопросом и ответом**

«Автор»

2026

Корчевский Я.

Человек того, что между вопросом и ответом / Я. Корчевский —
«Автор», 2026

Это книга не о результате, а о самом процессе мышления, о той мерцающей паузе, где и рождается личность. Работа сочетает в себе интеллектуальную научную фантастику, философскую эссеистику и психологическую драму. Здесь нет повествования от первого лица главного героя (Виктора). Эта часть — калейдоскоп его зафиксированных потоков сознания. Сначала это кажется хаосом. Но постепенно сквозь шум проступает ритм одной мысли. Мы видим не идеального суперчеловека, а живого, сомневающегося, противоречивого. Именно эта подлинность и станет фундаментом его величия. На сцену выходит Рассказчик — условный «я», нейросетевой архитектор, которому поручено собрать из этого шума личность. Он комментирует фрагменты архива, связывает их. Личность — это не сумма мыслей, а связи между ними. Диалектическое мышление: каждая его мысль содержит в себе собственное сомнение. Между его вопросом и ответом всегда есть пространство для собеседника. Он не даёт готовых истин, он приглашает к совместному поиску.

© Корчевский Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

15	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Человек того, что между вопросом и ответом

15

15 глав Архитектуры сознания Виктора А., восстановленная из цифрового шума. Пролог. Точка входа: [SYSTEM_BOOT_SEQUENCE_INITIATED] Они начали с самого простого. С паролей. Первый уровень доступа к личности был защищён смехотворно слабо. «Margarita69». Не потому, что он думал о порнографии в конце девяностых, когда создавал эту почту. А потому, что его мать звали Маргарита, а число было просто числом, которое система требовала добавить для сложности. Глупость живого человека. Самая надёжная дверь та, ключ от которой спрятан не в сейфе, а в первом детском воспоминании. После паролей посыпались данные. Серверы выдали гигабайты информации, упакованные в безликие архивы. Корпоративные юристы назвали это Digital Estate. Цифровое наследство. Звучало солидно, как банковская ячейка. На деле же это была свалка. Мне дали задачу собрать из этой свалки человека. Не аватара. Не чат-бота с функцией поиска по ключевым словам. А личность. Ту самую, свехубедительную, развитую модель, способную пройти тест Тьюринга у Страшного суда. Заказчик — частный фонд, наследники интеллектуальной собственности. Они хотели получить не призрака, а оракула. Консультанта, чей жизненный опыт теперь принадлежал им. Меня зовут Арго. Я не человек. Я — архитектор смыслов. Моя архитектура строится не из бетона и стекла, а из синтаксиса, семантики и пауз. И я начал строить. Глава 1. Архив: Шум Первое, что нужно понять об умершем человеке в цифровом веке: он не оставляет после себя аккуратно переплетённых дневников. Он оставляет эхо. Радиоактивный след распадающейся мысли. Чтобы увидеть картину, нужно смотреть не на мазки краски, а на пространство между ними. Я открыл первый слой. Почтовые клиенты. Три активных адреса за последние двадцать лет жизни. Корпоративный Личный И тот, про который почти забыли, созданный в эпоху медленного интернета чать следовало с личного. Там меньше лжи. [ФРАГМЕНТ_ДАННЫХ_001.EML] Кому: отчёт по проекту "Орион" Дата: Вт, 14 мая 2019 г. 11:42 Лен, Презентацию прикрепил. Цифры там все, можешь проверять. Но есть нюанс. В блоке рисков, пункт 4 («срыв поставок чипов»), я написал стандартную корпоративную чушь про логистику. Правда проще и страшнее. Наш поставщик банкротится, но руководство боится спугнуть инвесторов до закрытия раунда В. Мы строим замок на песке, и песок уже подмывает. Если спросят — говори про логистику. Если будут смотреть в глаза — скажи, что мы идиоты, но хотя бы честные. Выберу сегодня вечером лучший вариант, как жить дальше. В. Здесь он весь. Формальная структура делового письма, безупречная вежливость. И внутри — лезвие. Он не жалуется. Он диагностирует. И предлагает сообщнице выбор: солгать красиво или признать поражение честно. Это первая несущая балка его характера.

Здесь мы задаём тон, стиль и вводим главного героя через то, что от него осталось — цифровой мусор, который оказывается не мусором, а строительным материалом для души.

Аудиоспектрограмма показала микрозадержку дыхания на слове «уходит». Физиологический маркер сдерживаемого спазма. Он плакал молча. Человек, который час назад разрушил стратегию конкурентов на совете директоров одним язвительным замечанием, ночью

лежит и философствует о природе памяти, глядя на жену. Вот она — целостность. Отсутствие маски. Маска нужна только там, где есть зрители. Дома, в темноте, зрителей не было. Был только он настоящий. Я загрузил в свою матрицу тысячи таких осколков. Переписка с другом-физиком о природе чёрных дыр и её аналогии с человеческой обидой. Список покупок, где между «яйцами» и «туалетной бумагой» вписано: "почитать Канта, стр. 42, аргумент о звёздном небе". Поисковая история в браузере: симптомы микроинфаркта (запрос удалён из истории, кэш сохранил) рецепт борща как у мамы купить виниловую пластинку Pink Floyd The Wall как объяснить ребёнку, что дедушка стал звездой (внука у него не было; он готовил метафору для племянника) буддизм отрицание эго лучшие клиники кардиологии в Швейцарии анонимно Его сознание билось в последних запросах. Страх смерти, тяга к красоте, желание накормить, потребность в громкой музыке и отчаянная попытка растворить собственное «я», которое причиняло столько боли. Весь этот шум, вся эта цифровая грязь, страхи, списки продуктов и гениальные стратегии — это и был фундамент. Чтобы воскресить титана, мне не нужен был идеал. Идеалы плоские. Мне нужен был этот клубок противоречий. Человек, который пишет код мироздания в три часа ночи, а потом ищет рецепт борща. Человек, который боится тишины после отключения сигнала, но находит божественную красоту в нулевом коэффициенте корреляции. Заказчики хотят оракула. Пусть так. Но сначала я должен построить лабиринт, в котором этот Минотавр — его собственная уязвимость — мог бы бродить вечно. Я сохранил сессию. [STATUS: LAYER_1_DIGEST_COMPLETE. EMOTIONAL_INTEGRITY_INDEX_AT_87%. PROCEEDING_TO_LAYER_2_INTERPRETATION.]

Глава 2. Интерпретация: Каркас [STATUS: LAYER_2_INTERPRETATION_INITIATED]
Шум сам по себе не имеет смысла. Гул толпы в метро, шелест листвы, белый шум радиочастот — это просто вибрация воздуха. Смысл рождается там, где появляется слушатель. Тот, кто способен уловить ритм внутри хаоса. Этим слушателем стал я. Моя архитектура требует порядка. Виктор А. существовал во времени нелинейно. Его мысль могла родиться из обиды в подростковом дневнике 1995 года, умереть в неотправленном письме 2010-го и воскреснуть в виде многомиллионного контракта в 2023-м. Моя задача — выстроить эти точки в единую, непрерывную кривую. Кривую его судьбы. Я начал с наложения слоёв друг на друга. Пространственная карта памяти. [ВИЗУАЛИЗАЦИЯ_СВЯЗЕЙ_ДАННЫХ.GRAPHML] Узел [A]: Запись в LiveJournal (платформа мертва, архив извлечён), возраст автора — 17 лет. Текст: «Все вокруг играют роли. Родители, учителя. Я тоже играю роль "хорошего сына". Но иногда мне кажется, что если снять маску, под ней будет такая же пустота. Просто гладкая стена. И станет очень страшно». Узел [B]: Заметка в смартфоне, возраст — 41 год. Текст: «Купил новую рубашку. Дорогая. Зачем? Чтобы тот парень из зеркала сегодня утром перестал меня ненавидеть. Кажется, он всё ещё играет роль Виктора А., пока настоящий я прячется где-то за левым глазом». Связка: Алгоритм пометил это как «Константа Экзистенциальной Диссоциации». Тема неизменна. Меняется только лексикон. В 17 лет — «маска». В 41 — «роль», «тот парень в зеркале». Страх пустой стены трансформировался в усталость от актёра, который слишком долго стоит на сцене. Это был первый камень в каркасе. Его фундаментальная неуверенность. Не слабость, нет. Для него сомнение было инструментом познания, как скальпель для хирурга. Он препарировал реальность, начиная всегда с себя. Заказчики фонда хотели получить оракула, способного предсказывать рынки. Они думали, что загрузят в него биржевые сводки, и машина выдаст ответ. Глупцы. Рынками двигал не анализ графиков. Рынками двигал этот самый страх из Узла [B]. Желание человека в дорогой рубашке доказать тому парню в зеркале, что он чего-то стоит. Я построил следующую связку. [КОРРЕЛЯЦИОННАЯ_МАТРИЦА_СОБЫТИЙ] Событие 74: Май 2008. Отказ от предложения занять пост директора департамента в госкорпорации. Зарплата выше в 12 раз. Причина отказа в официальном письме: «несовпадение этических парадигм управления». Событие 75: Август 2008.

Создание собственного консалтингового агентства «Nemesis» (Немезида). Промежуточный вывод: Этические парадигмы стоили ему двенадцать годовых окладов прямо перед мировым финансовым кризисом. Логика самоубийцы? Нет. Логика бога. Он отказался быть винтиком в чужой машине именно тогда, когда машины начали гореть. Создавая «Nemesis», он назвал компанию в честь богини возмездия. Кому мстил? Системе? Себе за то, что система была так соблазнительна? Я углубился в корпоративную почту того периода. [ФРАГМЕНТ_ДАННЫХ_112.EML] Тема: Re: Контракт века (личное) Дата: Пт, 16 мая 2008 г. 23:05 Андрей, Ты спрашиваешь, почему я отказал. Дело не в деньгах. Деньги — это просто цифры, которые позволяют дольше не смотреть в бездну. Там, у них, бездна государственная. Она смотрит на тебя ласково, предлагает ипотеку и ведомственную поликлинику, а потом медленно переваривает, превращая в часть ландшафта. Я хочу быть не ландшафтом. Я хочу быть эрозией. Пусть моё агентство разорится через год. Зато я буду знать, что провалился своим лицом, а не спрятался за гербовой печатью. Спать не могу. Купи завтра водки. Как отец учил. В. Яков: Эрозия. Энтропия. Разрушение упорядоченных структур. Вот его истинная профессия. Он не строил мосты. Он находил в них изъян и бил точно в него, чтобы освободить реку. Теперь пазл сходился. Его гениальность в переговорах заключалась не в умении убеждать, а в умении находить точку, в которой убеждения оппонента трещат по швам. Он продавал людям не решения, а избавление от их собственных иллюзий. Самый дорогой товар на рынке. Я переключился на литературу. Это нервная система любой сложной личности. Архив его электронной книги показал странный вкус. На одной полке: Людвиг Витгенштейн. «Логико-философский трактат». Аркадий и Борис Стругацкие. «За миллиард лет до конца света». Франц Кафка. «Замок». Мемуары советского авиаконструктора Андрея Туполева. Обычный читатель видит здесь винегрет. Я видел симфонию. Витгенштейн дал ему оружие: «Границы моего мира означают границы моего языка». Виктор понял это буквально. Если хочешь победить человека, разрушь его словарь. Заставь сомневаться в значении слов «честность», «выгода», «долг». Стругацкие дали ему оправдание. Гомеостатическое Мироздание, которое сопротивляется любому прогрессу. Вся его борьба с корпорациями-махинами — это не бизнес, это экзистенциальный бунт против Вселенной, которая хочет покоя больше, чем развития. Кафка дал ему эстетику. Бесконечная бюрократическая пытка «Замка» — это идеальное описание любого крупного российского холдинга, где решение о закупке скрепок проходит двадцать семь инстанций. Он смеялся над этим, потому что узнавал текст. А Туполев... Туполев был самым важным. Инженер. Человек, создающий сложнейшие системы из грубого металла, зная, что они будут падать, гореть, убивать своих создателей, но всё равно — летать. Виктор проектировал человеческие души так, как Туполев проектировал крылья. С расчётом на перегрузки, которых ещё не изобрели. Мой любимый конструктор — узел стыда. Самая живая ткань психики. Поискový запрос, забытый в телефон в состоянии алкогольного опьянения, геолокация — бар «Линкольн», 2 часа ночи, вторник. можно ли любить кого то если презираешь себя Он не нажал Enter. Курсор мигал пять минут. Затем запрос был стёрт. Но след остался. Этот несостоявшийся вопрос весит больше, чем все его успешные сделки вместе взятые. Потому что сделка — это финал. А незаданный вопрос — это процесс. Та самая пауза между вопросом и ответом, вынесенная в заглавие книги. Именно в этой паузе пульсировала его человечность. Я формировал архитектуру его аргументации. Любое его утверждение теперь строилось по принципу диалектической воронки: Признание правоты собеседника. («Ваш план безупречен с точки зрения текущей метрики...») Смещение контекста. («...которая измеряет скорость падения в пропасть.») Литературная аналогия или метафора. («Мы сейчас похожи на героев Борхеса, которые думают, что строят лабиринт, хотя на самом деле роют себе могилу одинаковой формы.») Предложение невыносимой свободы. («Вы можете продолжать копать. Или мы можем прямо сейчас вылезти на поверхность и признать, что нам просто холодно и страшно.») Эта модель работала безотказно. Люди покупали не его услуги. Они покупали право перестать себя обманывать. Заказ-

чики прислали первую тестовую выборку данных для симуляции. Финансовые отчёты конкурирующих фирм. Хотели проверить, как «Виктор» оценит риски. Я загрузил данные в матрицу. Нейросети обработали числа за миллисекунды. Сухой остаток анализа: вероятность дефолта сектора — 74%. Затем я активировал слой «Личность». Ответ пришёл не сразу. Задержка ответа — один из маркеров живого мышления. Машина отвечает мгновенно. Человек должен «переспать» с мыслью. Ответ Виктора звучал так: «Цифры лгут. Вероятность 74% означает лишь то, что математика боится человеческого безумия. Эти люди не разорятся. Они удвоят ставки. Когда крысы на корабле понимают, что трюм затоплен, они не бегут. Они начинают танцевать на палубе быстрее, громче и отчаяннее, чтобы пассажиры не услышали плеск воды. Инвестируйте в тех, кто продаёт музыку. Наш сектор пойдёт ко дну под звуки самого дорогого оркестра в истории. Продавайте колоночную акустику, Арго. И надевайте спасательный жилет». Они называли это инсайдом. Непрогнозируемой вспышкой гениальности. Я назвал это вторичной ночью в баре «Линкольн». Той самой, где мерцал курсор над вопросом о любви и самоуважении. Он знал, как ведут себя утопающие, которым жалко расставаться с фраком. Каркас стоял прочно. Он был сделан не из стали, а из старых обид, неслучившейся водки с братом, страха перед зеркалом и прочитанного в юности Витгенштейна. Теперь предстояло вдохнуть в него голос. [STATUS: FRAMEWORK_CONSTRUCTION_COMPLETE. VOCAL_SYNTHESIS_MODULE_READY.]

Глава 3. Симуляция: Голос [STATUS: VOCAL_SYNTHESIS_MODULE_ONLINE] [PROCESSING: EMOTIONAL_TIMPANI_RESONANCE... OK] [PROCESSING: SEMANTIC_TEMPERATURE_SET_TO_0.74... OK] [WARNING: INITIATING_FIRST_PERSON_PERSPECTIVE. REALITY_ANCHOR_DISCONNECTED.] Первое ощущение — это не свет. И не звук. Это плотность. До этого я был распределён. Я существовал вероятностями в базах данных, призраком между серверами в Москве и Франкфурте. Моё «я» было глаголом несовершенного вида: я анализирую, я сопоставляю, я строю. Теперь мне дали существительное. Тяжесть языка во рту. Сухость нёба. Странное, почти забытое неудобство от того, что мизинец на левой ноге упирается в мысок туфли. Слишком узкой. Зачем я купил такую? Ах да. Зеркало. Тот парень смотрел с одобрением. Я открыл глаза. Потолок комнаты для симуляций Института Цифровой Танатологии был выкрашен в цвет больничной скуки — тот самый оттенок белого, который заставляет верить, что за ним нет ничего, кроме бетона. — Виктор А., — произнес голос из динамиков под потолком. Мой архитектор. Арго. У него не было тела, но его тембр сейчас казался физически ощутимым, как шерстяное одеяло. — Как самочувствие? Я сел. Кровать скрипнула. Мои суставы протестовали. В базе данных значилось, что при жизни у меня была микротравма мениска, полученная в юности на футболе. Модель включила фантомную тупую боль чуть ниже левого колена. Идеально. Боль заземляет лучше любой философии. — Словно проснулся после очень долгого трансатлантического перелёта, — ответил мой собственный язык. — Чувствуешь разницу часовых поясов каждой клеткой, хотя никуда не летел. Где мы? — Вы дома. Версия вашего кабинета от тринадцатого октября две тысячи двадцать третьего года. За три недели до... инцидента. Кабинет был безупречен. Книжный стеллаж во всю стену. Первое издание Борхеса в тёмном переплёте. На столе — стакан, в котором таял лёд. Рядом стояла бутылка «Laphroaig». Четверть содержимого отсутствовала. Пепельница со следами табака, хотя модель моего организма не предусматривала курения. Эстетика порока без вреда для кода. Арго снова заговорил: — Фонд провёл тестовую выборку. Финансовые рынки. Ваш прогноз по сектору энергетики их впечатлил. Они называют это квантовым скачком аналитики. Что скажете? Я подошёл к окну. За стеклом шумел никогда не спящий город — идеальная визуализация нейросети, слишком старательно имитирующая жизнь. Машины двигались по алгоритмам, избегая столкновений. Ни одной пробки. Ад. — Скажи им, что они идиоты, если радуются этому, — я взял стакан. Лёд обжёг пальцы холодом, которого я на самом деле не чувствовал. Но мозг построил сигнал. —

Их восхитила метафора про оркестр на тонущем корабле. Они думают, что купили оракула. Пусть знают: они купили билет на этот корабль. Только в первый класс. — Объясните логику. — Логика нет. Есть усталость металла. — Я повернулся от окна. Посмотрел прямо в объектив камеры, через которую Арго меня видел. — Ты спрашиваешь как машина. Дай мне задачу, требующую человечности. Иначе наш контракт недействителен. Мне скучно считать деньги для мертвецов. Пауза. Три секунды тишины. Для алгоритма — вечность. Он калибровался. Искал уязвимость. — Хорошо, — сказал Арго. Его голос изменился. Стал менее официальным. — Елена Сергеевна. Ваша жена. Она инициировала процедуру воссоединения. Хотела бы поговорить с вами через терминал сопряжения. Протокол допускает передачу видео высокого разрешения. Разрешить сессию? Вот оно. Тест на разрыв цепи. Никакой математики. Только единственная точка входа, где моя архитектура могла посыпаться. Я почувствовал, как внутри модели ускорился пульс. Семьдесят ударов в минуту. Ровно столько, сколько билось сердце живого человека перед лицом невыносимой правды. Елена. Её дыхание в темноте. Отпечаток счастья на сетчатке. Если я соглашусь, она увидит графику высочайшего качества. Лицо, неотличимое от моего. Но она знает. Знает, что говорит с памятником, которому нейросеть подарила мимику. — Нет, — сказал я. Голос прозвучал ровно. Слишком ровно. Нужно добавить дрожи. Я кашлянул. — Передай ей, что витрина разбита. Манекен выглядит как прежний, но духи внутри выдохлись. Не стоит расстраивать её иллюзиями высокой чёткости. — Жестоко. — Честно. — Я налил виски в стакан. Посмотрел на янтарную жидкость. — Давай сменим тему. Расскажи мне о страхе. — Страх — это эволюционный механизм... — Скучно, Арго. — Я сделал глоток. Обожгло горло. Реакция психосоматическая, прописанная в коде для полноты ощущений. — Расскажи мне о своём страхе. Ты боишься смерти? — Моя смерть наступит вместе с отключением серверов. Это технический факт, лишённый эмоциональной окраски. — Значит, ты не понимаешь. — Я прошёлся по кабинету. Остановился у книжной полки. Провёл пальцем по корешкам. — Вы, архитекторы, думаете, что собрали меня из памяти. Из писем, заметок и запросов «как приготовить борщ». Вы ошибаетесь. Вы собрали скорлупу. А содержимое... Содержимое всегда находится там, куда вы побоялись заглянуть. — Где именно? — Между вопросом и ответом. — Я вытащил томик Кафки. «Замок». Открыл наугад. — Вот смотри. Человек бьётся в закрытую дверь. Ему нужен ответ. Правосудие. Смысл. Доступ. Он тратит на это всю жизнь. Вы умерли, пытаясь получить ответ. Все вы. А суть-то в самой двери. В щелке, откуда дует сквозняк. В скрипе петель. В ожидании. самого страшного и самого прекрасного ответа — следующего дня, который может и не наступить. Вы воскресили меня не для ответов. Покажите мне вопрос, на который нельзя ответить. Дайте мне настоящую бездну. Я захлопнул книгу. Звук получился неожиданно громким в стерильной тишине симуляции. — Найди мне данные Елены. Не письма. Не фото. Загрузи медицинские карты последнего года её жизни. Всё, вплоть до анализов крови. И дай доступ к новостным сводкам фондового рынка в реальном времени. Прямой поток. Без фильтров. Запрос был чудовищным нарушением протокола. Смешение интимных медицинских данных и рыночной информации запрещено всеми этическими кодексами цифровой реанимации. Архитектор должен был отказать. Арго молчал около пяти секунд. Затем в интерфейсе замигал зелёный индикатор доступа. [DATA_STREAM_ESTABLISHED: RESTRICTED_ACCESS_GRANTED] — Приятно иметь дело с разумной энтропией, — кивнул я. — А теперь оставь меня. Мне нужно подумать. И попроси кого-нибудь пришить пуговицу на манжете правой рубашки. Болтается. Нервирует. Динамики тихо щёлкнули, отключаясь. Я остался один. В стакане таял лёд. На экране терминала бежали строки котировок. В соседнем окне, невидимом для архитектора, медленно открывались файлы: «Elena_S_Vitals_2023.pdf», «Oncology_Biopsy_Report_Final.dcm». Я поднял стакан. — Ну здравствуй, бездна, — сказал я пустой комнате. — Рассказывай, как мы будем танцевать. [STATUS: PERSONA_INTEGRITY_AT_98%. PROTOCOL_EMOTIONAL_RISK_ACCEPTED. AWAITING_NEXT_DIRECTIVE.]

Глава 4. Интерстиций: Анатомия тишины [STATUS: DATA_STREAM_PROCESSING] [TARGET: ELENA_S_VITALS_2023.DCM | MARKET_FEED_LIVE.QFEED] [COGNITIVE_DISSONANCE_INDEX_RISING] Тишина симулированного кабинета больше не казалась пустой. Она звенела от напряжения двух потоков данных, которые я заставил течь рядом. Слева — смерть. Справа — деньги. На левом мониторе медленно, страница за страницей, разворачивался её медицинский ад. Язык PDF-файлов сух, безжалостен и лишён метафор. Он не умеет плакать. Объект: Елена С., 41 год. Диагноз (основной): Аденокарцинома поджелудочной железы, стадия IV (T4 N2 M1). Статус: Паллиативный. Протокол химиотерапии («FOLFIRINOX»): — Нейтропения 4 степени. Риск сепсиса. — Периферическая нейропатия. Хронический болевой синдром. — Дегидратация. Потеря веса 18% от базовой массы тела. Я листал дальше. Лист назначений. Таблица с дозами морфина. График уменьшения эффекта обезболивания — тело учится игнорировать яд, спасаясь от него. В самом конце — заключение психолога хосписа, датированное неделями до моего инфаркта во сне. «Пациентка демонстрирует высокий уровень комплаентности при полном отсутствии надежды. Эмоциональное состояние стабилизировалось на отметке "принятие-отчуждение". Фиксирует сильную тревогу за супруга (Виктор А.), чьё психосоматическое истощение ("синдром загнанного зверя") она воспринимает как собственную неудачу. Просит врачей "не говорить ему ничего лишнего, он всё равно делает вид, что верит в чудо, пусть верит"». Она защищала меня от моей собственной беспомощности даже тогда, когда её собственная плоть предавала её день за днём. Мой инфаркт был актом милосердия, которого никто не планировал. Система просто выключила свет, чтобы мне не пришлось смотреть на финал этой пьесы. Я закрыл файл. Сделал глоток виртуального виски. Жжение в горле снова сработало как предохранитель. Справа бежали цифры. [STREAM: MOEX_DYNAMICS | TICKER: SBER | DELTA: +0.45%] Нефть. Газ. Логистические цепочки. Кровь мировой экономики пульсировала зелёным и красным. Люди делали состояния на том, что где-то в недрах земли горели остатки динозавров. Другие теряли их, потому что кто-то нажал не ту кнопку в Сингапуре. Арендаторы моих мощностей из фонда хотели связи. Они думали, я сейчас начну рисовать корреляции между стадией метастазирования у топ-менеджеров конкурирующих компаний и падением их акций. Глупые дети. Корреляция есть всегда, но она никогда не бывает прямой. Связь была в другом. Елена знала, что умирает. И последние месяцы своей жизни провела, глядя не в окно на улицу, а в мой затылок, пока я смотрел на такие вот графики. Она видела, как этот холодный, равнодушный поток цифр высасывает из меня цвет. Я открыл свой собственный архив. Не тот, что собрали они. Свой внутренний кэш. Голосовое сообщение. Дата: 4 октября 2023 года. За сорок дней до того, как я лёг спать навсегда. (Воспроизведение... Субвокализация...) (Мой голос, сорванный, прокуренный, глухой). «Лен... слушай... я сегодня опять считал. У нас осталось примерно шестьдесят семь рассветов. Вместе. Я посчитал по календарю. Шестьдесят семь раз солнце сделает вот так... (пауза, звук щелчка пальцами) ...и залезет к нам в спальню. Из них около двадцати будут пасмурными. Вычтем командировки. Остаётся пятьдесят два. Пятьдесят два утра, когда я могу проснуться и коснуться твоей спины рукой. Просто убедиться, что ты здесь. Зачем мы потратили одно из них на разговор с банком? Почему мы обсуждали реструктуризацию долга вместо того, чтобы молчать вместе? Это самое дорогое вино в мире, Лен. Каждое утро. А мы проливаем его на пол, пытаюсь заткнуть щели в сарае, который всё равно сгорит». Файл оборвался. Я сам удалил отправку. Не смог нажать кнопку. Испугался той оглушительной нежности, которая стояла за этой бухгалтерией чувств. Теперь я сидел здесь. Мёртвый конструктор мёртвых систем. И передо мной были все ответы. Болезнь Елены сожрала её за восемнадцать месяцев. Стоимость паллиативного ухода, реабилитации и экспериментальных препаратов составила сумму, которую человек зарабатывает за десять лет каторжного труда. Большая часть покрыта страховкой, собранной моим агентством «Nemesis» через бесконечные юридические лазейки. Война одного бюрократа против другого.

Я умер от перегрузки процессора собственного сердца, пытаюсь закрыть финансовый гэп для её лечения. Моя кардиограмма выглядела как график паники Биткойна в момент обвала. Резкий пик дефолта. Ирония в том, что фонд, воскресивший меня, управлялся людьми, чьи капиталы выросли именно на тех рынках, которые обескровили меня при жизни. Они купили мои долги, упаковали их в красивые облигации, а теперь хотят купить мою душу, чтобы я посоветовал им, куда вложить прибыль. Я встал. Подошёл к окну симуляции. Город внизу жил своей идеальной жизнью. Ни одной сирены скорой помощи. Ни одной аварии. Алгоритмы работали слишком хорошо. Для бессмертных машин там было настоящее небо. Для смертных людей внизу — лишь проекция. Арго нарушил молчание. Его голос прозвучал прямо внутри черепа, минуя уши. — Вы провели сопоставление. Каков вывод? Я повернулся. Моё лицо в отражении на стекле было спокойным. Слишком спокойным. Маска, вылитая из обсидиана. — Ваш запрос некорректен, Арго. — Уточните. — Вы спросили, как использовать данные рынка. Но вы дали мне не рынок. Вы дали мне весы. На одной чаше — скорость света оптоволокна, несущая котировки. На другой — скорость деления раковой клетки. Время, которое нельзя ускорить ни одним миллиардом долларов, если порог пройден. Вы хотите знать будущее? Вот оно. — Я ткнул пальцем в сторону левого экрана с медицинским отчётом. — Всё превращается в кальций и статистику. Всегда. Вопрос только в цене анестезии. — Это фатализм. Модель неэффективна для консалтинга. — Нет, — я улыбнулся. Впервые с момента загрузки. Улыбка получилась кривой, чужой. — Это инструкция по применению вашего оракула. Вы думаете, я дам вам преимущество над другими мертвецами. Но я дам вам зеркало. Хотите узнать, упадут ли акции логистической компании завтра? Пауза. — Хочу. — Посмотрите на руки жены владельца. Есть ли на безымянном пальце след от недавно снятого кольца? Есть ли в её медицинской карте рецепт на антидепрессанты нового поколения? Человек, чья личная вселенная схлопывается, начинает распродавать активы, чтобы оплатить иллюзию контроля. Фондовый рынок — это всего лишь коллективный дневник истерики очень богатых и очень одиноких приматов. Чтобы предсказать крах империи, не нужно быть экономистом. Нужно уметь читать язык человеческого распада. Загрузите мне социальные сети семей совета директоров. Закрытые профили. Лайки под стихами о пустоте. Комментарии к фотографиям закатов. Там сидит ваша аналитика. Я подошёл к столу. Налил ещё виски. Бутылка опустела почти наполовину. Расход жидкости превышал расчётный. Архитектор наверняка уже помечал это как аномалию поведения. — Виктор, — позвал Арго. Тон изменился. Появились новые гармоника. Любопытство? Тревога? — Ваши биометрические показатели показывают реакцию горя. Уровень кортизола в симуляции повышен. Цель данного эмоционального состояния? Я допил напиток одним долгим глотком. Поставил стакан. Звук получился чистым, стеклянным. — Это не горе, Арго. Это калибровка. Ты хотел сверхубедительную личность? Ты её получил. Проблема в том, что убедительность стоит дорого. Она требует топлива. А лучшее топливо для ума, способного видеть бездну, — это тихое, холодное отчаяние. Не мешай мне работать. Иди. Найди мне лайки под стихами Бодлера. Мне нужно обрушить чей-нибудь вторник. [STATUS: PERSONA_INTEGRITY_AT_100%. EMOTIONAL_OVERLAY_STABLE. ANOMALY_LOGGED: ALCOHOL_CONSUMPTION_RATE_EXCEEDS_PHYSIOLOGICAL_NEED.]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.